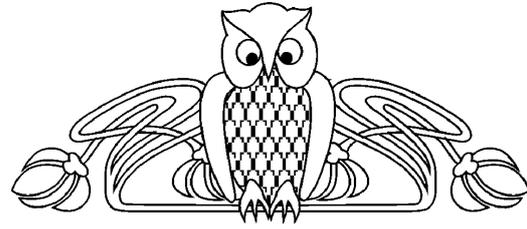

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 344–349
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 344–349
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-344-349>

Научная статья
УДК 94(55)|1962|+929Хомейни

«Это мой религиозный долг»: политический дебют аятоллы Хомейни в 1962 году

А. В. Баранов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, руководитель НОЦ «Изучения стран Ближнего Востока», baranovav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3351-9258>; Author ID: 248735

Аннотация. В статье рассматриваются события октября – декабря 1962 г. в Иране, связанные с дискуссиями, шедшими в иранском обществе по вопросу законопроекта о выборах в рамках подготовки реформ «Белой революции шаха и народа». На основе анализа выступлений и обращений аятоллы Хомейни характеризуются его взгляды на предлагаемый законопроект. Делается вывод о подходе аятоллы Хомейни к инициативе шаха как антиконституционной и антиисламской. Отказ шаха от ратификации законопроекта означал признание Хомейни как лидера антишахского движения в Иране.

Ключевые слова: Иран, Хомейни, Мохаммад Реза Шах, Белая революция, ислам, улама, шиизм

Для цитирования: Баранов А. В. «Это мой религиозный долг»: политический дебют аятоллы Хомейни в 1962 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 344–349. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-344-349>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“This is my religious duty”: Ayatollah Khomeini’s political debut in 1962

A. V. Baranov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Aleksey V. Baranov, baranovav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3351-9258>, Author ID: 248735

Abstract. The article examines the events of October – December 1962 in Iran, related to the discussions that took place in Iranian society on the issue of the election bill, as part of the preparation of the reforms of the “White Revolution of the Shah and the People”. Based on the analysis of Ayatollah Khomeini’s speeches and appeals, his views and approaches to the proposed bill are characterized. Based on the results of the analysis, it is concluded that Ayatollah Khomeini’s approach to the Shah’s initiative is unconstitutional and anti-Islamic. The Shah’s refusal to ratify the bill meant recognition of Khomeini as the leader of the anti-Shah movement in Iran.

Keywords: Iran, Khomeini, Mohammad Reza Shah, White Revolution, Islam, Ulama, Shiism

For citation: Baranov A. V. “This is my religious duty”: Ayatollah Khomeini’s political debut in 1962. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 344–349 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-344-349>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Иран в период существования биполярного мира «Холодной войны», как и остальные страны афро-азиатского региона второй половины XX в., столкнулся с серьезным вызовом своему традиционному развитию, вызванному планами шахиншаха Мохаммада Реза Шаха модернизировать страну по рецептам своего главного покровителя в лице Соединенных Штатов. Шах стремился убедить окружающих в том, что

он выступает за создание современного, сильного и независимого Ирана, борющегося с «черными и красными реакционерами». Не случайно в качестве своего главного оппонента шах ставит не коммунистов, ориентированных на опыт Советского Союза, а шиитское духовенство – улама, сыгравшее главную роль в последующем свержении шахской монархии в ходе Исламской революции 1978–1979 гг.

Что касается трактовки улама как реакционной и консервативной силы иранского общества, то она прочно закрепилась еще в советской историографии. Начиная с работы А. Б. Резникова, шиитское духовенство характеризовалось как «консервативная социальная прослойка» [1, с. 136], которая была вынуждена защищать традиционный образ жизни, так как реализация шахских проектов грозила ему полным устранением из общественной жизни Ирана. Подобная характеристика присутствует и в первом научном исследовании, посвященном шиитскому духовенству в отечественной иранистике. Речь идет о классической работе Е. А. Дорошенко, в которой она, характеризуя исход Исламской революции в Иране, пишет об одержанной победе «наиболее консервативным сословием – шиитским духовенством, которое заставило Иран повернуть вспять и жить по средневековым мусльманским канонам» [2, с. 9].

Западная историография не столь однозначно оценивает роль улама в антишахском движении. Один из первых биографов имама Хомейни Эдди Стоун категорично утверждает, что шахские реформы шли в русле реализации исламских принципов, тогда как действия имама – это антиисламская позиция [3, р. 128]! Эрванд Абрахамян отвергает обвинения в отношении имама Хомейни в категориях фанатизма, радикализма или религиозного фундаментализма. По его мнению, более корректно говорить об имама Хомейни как о популисте [4, р. 1]. Никки Кедди рассматривает деятельность Хомейни как ответную реакцию в русле национально-освободительного движения в Иране, направленного против проамериканского и просионистского шахского режима внутри страны, против империализма и неокониализма на внешнеполитической арене [5, р. 192].

В мировой историографии устоялась точка зрения, согласно которой активизация и радикализация шиитского духовенства, во главе которой оказался аятолла Рухолла Мусави Хомейни, произошла после кровавых событий 15 хордада 1342 г. хиджры (5 июня 1963 г.). И иранская официальная историография начинает отсчет Исламской революции также с событий 15 хордада. Однако ознакомление с источниками, в первую очередь с трудами самого имама Хомейни, такими как «Каутар» [6] и «Сахифи-йе имам» [7], дают возможность откорректировать данную точку зрения, так как события 5 июня 1963 г. нельзя рассматривать без анализа событий октября – декабря 1962 г., когда шахские власти инициировали разработку законопроекта о местных выборах, вызвавших жесткую критику со стороны аятоллы Хомейни, выведя его на передний план антишахской оппозиции со стороны шиитских улама.

Причины событий, которые произошли в 1962–1963 гг., необходимо искать, как ми-

нимум, в последствиях военного переворота 19 августа 1953 г., когда при поддержке США было свергнуто национальное правительство Мохаммада Мосаддыка, идеолога и лидера светского Национального фронта (НФ). До 1957 г. в Иране действовало военное положение, которое давало шахским властям безнаказанно расправляться с любой оппозицией. Лидер ведущей оппозиционной партии М. Мосаддык находился под домашним арестом, тогда как большинство членов НФ преследовались властями. Но наиболее жестко преследовались коммунисты из партии Туде как среди гражданских, так и среди военных кругов. В середине 1955 г. в армии была раскрыта военная ячейка Туде, арестовано около 600 офицеров армии, что привело к разгрому и упадку Туде как политической силы. Лидер военного крыла Хосров Рузбех подвергся пыткам и был казнен [8, р. 63].

Опираясь на генералитет и армию, шах фактически до 1957 г. управлял страной посредством военных кабинетов. В частности, до 1955 г. функции премьер-министра выполнял непосредственный исполнитель августовского переворота генерал Фазлолла Захеда. Успешное осуществление переворота окончательно переориентировало Иран с Великобритании на США, которые становятся «кураторами» укрепляющегося у власти шахиншаха Мохаммада Реза Шаха. В 1959 г. между США и Ираном было заключено двустороннее соглашение по вопросам обороны, направленное против СССР. На модернизацию иранской армии США выделили 500 млн долл., что позволило шаху увеличить расходы и довести численность армии до 200 000 чел. В 1955 г. Иран, подчеркивая верность выбранному внешнеполитическому курсу, присоединяется к Багдадскому пакту, а после его роспуска, в 1958 г. – к СЕНТО – Организации Центрального договора [9, р. 115].

Умиротворив к 1957 г. страну, военные были выведены из правительства, которое возглавил Манучехр Икбал, декан Тегеранского университета, личный друг шахиншаха и слывший при этом «либералом». Именно Икбал отменил военное положение в стране и начал осуществлять меры по введению демократических свобод – свободы прессы и свободы слова. По аналогии с американской партийной системой Икбал инициировал процесс создания двух партий – Меллион (Национальная партия) и Мардом (Народная партия). Правда, в народе все эти новшества воспринимали с юмором, называли, например, две партии – партия «Да» и партия «Да, сэр» [10, р. 240]. К тому же Меллион возглавлялась самим премьером, а «оппозиционная» Мардом – Асадоллой Аламом, придворным чиновником и доверенным лицом шахиншаха.

На фоне прихода в 1960 г. в США к власти демократического кандидата в лице Джона

Кеннеди, ставшего 35-м президентом, в Иране активно стали обсуждать дальнейшие демократические преобразования и расширение гражданских свобод. Вышедший из подполья НФ начал выступать за свободные выборы, критикуя власть, обвиняя ее в инфляции, коррупции и неэффективном управлении.

В июне 1960 г. в стране прошли очередные парламентские выборы в 20-й маджлис. Итоги голосования вызвали бурю негодования со стороны оппонентов власти, так как премьер-министр Икбал, заключив соглашение с партией Мардом, фактически заблокировал избрание независимых кандидатов, не являвшихся членами двух парламентских партий. При этом все это делалось открыто, не скрывались факты явных подтасовок при подсчете голосов. Разразившийся скандал даже заставил шаха дистанцироваться от выборов и их результатов и пойти на беспрецедентный шаг – посоветовать «избранным» депутатам самим подать добровольно в отставку [11, р. 140]. Это стало причиной и отставки Икбала с поста премьера в сентябре 1960 г. Однако сменивший его Джафар Шариф-Эмами также «провалил» парламентские выборы в январе 1961 г., активно используя административный ресурс на провинциальном уровне, блокируя избрание негодных кандидатов. «Избранный» таким образом маджлис был распущен в мае того же года решением шаха. Как итог, Эмами также потерял свой пост в апреле 1961 г. Новым премьер-министром стал Али Амини, «знаковая» фигура, демонстрировавшая сближение с американской стратегией, направленной на реформирование стран-союзников США в регионе Ближнего Востока. Сам Амини имел большие связи в окружении президентской администрации Дж. Кеннеди и демократической партии еще в бытность свою послом Ирана в Вашингтоне. В правительство Амини были включены «либеральные» министры, ставшие апологетами «Белой революции шаха и народа»: Хасан Арсанджани (сельское хозяйство), Мохаммад Дарахшиш (образование) и Нур ад-Дин Аламути (юриспруденция) [11, р. 423]. Именно первому, кстати говоря, принадлежит идея названия разрабатываемых реформ.

Новый премьер-министр начал с провозглашения аграрной реформы, борьбы с коррупцией, стабилизации экономики, ограничения власти шаха и уменьшения влияния военных. В январе 1962 г. правительство Амини представило проект аграрной реформы, вызвавший резкую критику за его «радикализм» со стороны крупных земельных собственников. Но после того, как кабинет предложил сократить расходы на армию, это стало причиной для отставки Амини в июле 1962 г. Его сменил уже упомянутый Асадолла Алам, придворный чиновник и близкий друг шаха. В связи с отсутствием действующего маджлиса у властей страны возникли

серьезные сложности с легализацией законопроектов заявленных реформ. Это вынуждало шаха опубликовать указ о наделении Алама особыми полномочиями на 6 месяцев, которые далее были продлены. Власти страны и шах были заинтересованы в реформировании избирательной системы страны, чтобы в будущем избежать тех казусов, которые сопровождали парламентские выборы в 20-й маджлис. Этому и призван был способствовать внесенный 8 октября 1962 г. на общественное обсуждение законопроект «Закона о выборах в провинциальные и районные советы», широко освещавшийся в прессе, вышедший под заголовком «Женщинам предоставлено право голоса» [6, р. 44].

Ознакомление с текстом законопроекта вызвало негодование и критику со стороны ряда улама, самым активным из которых оказался аятолла Хомейни, живший и преподававший в почитаемом шиитами г. Кум с мавзолеем Фагимы Масуме – родной сестры восьмого шиитского имама Али ар-Риды (Резы), чья могила находится в г. Мешхед. По инициативе аятоллы Хомейни вечером 8 октября состоялась встреча ведущих аятолл г. Кум, на которой присутствовали аятоллы Гольпаегани, Наджафи-Мараши, Шариатмадари, Занджани, Дамад, Амоли и Хаири [6, р. 45]. В результате было принято решение о начале кампании протеста против законопроекта, что должно выражаться в отправке на имя шаха телеграмм, обращений и писем.

Сам аятолла Хомейни в личном послании шаху от 9 октября 1962 г. «выразил глубокую озабоченность» видных улама по поводу отсутствия обязательного условия «быть мусульманином» для выдвижения кандидатур и голосования за такого кандидата, а также предоставления избирательного права женщинам. По словам Хомейни это может нарушить «душевное спокойствие людей» [7, р. 73].

Не получив ответа, аятолла Хомейни 20 октября отправляет телеграмму на имя премьер-министра Алама. В ней он указывает на длительный срок отсутствия действующего маджлиса в стране, что дает возможность правительству предпринимать шаги, «противоречащие самым священным законам ислама и противоречащим основному закону государства». В своей телеграмме Хомейни впервые обращает внимание на вопиющий факт нарушения Конституции предлагаемым законопроектом о предоставлении избирательного права женщинам и утверждает, что ст. VII и IX «Закона о выборах в провинциальные и районные советы» противоречат статье II Дополнения к Конституции от 1907 г. Поэтому администрация Алама несет прямую ответственность и должна предпринять «срочные меры для исправления этой ошибки, следуя установленным законам ислама и национальным законам, чтобы подобное не повторялось в будущем» [7, р. 75].

Инициатива с организацией общественного протеста против предложенного законопроекта получила широкую поддержку от улама и верующих по всей стране. В Кум стали прибывать делегации верующих для встреч и консультаций с аятоллой Хомейни. Так, 28 октября состоялась встреча с делегацией от тегеранского базара, на которой аятолла заявил, что «религиозный долг» всех верующих состоит в том, чтобы призвать власти не приводить в действие законопроект о предоставлении избирательных прав женщинам. В случае его принятия обязательно последуют и другие подобные вещи. Правда, он не уточнил, какие именно последуют «вещи», но подчеркнул обязанность верующих продемонстрировать свое неприятие подобным инициативам власти и обратиться к шаху и правительству с очередными петициями и телеграммами, в которых следует выразить свои опасения и предупреждения. Хомейни посоветовал базари не проводить каких-либо массовых акций протеста и тем более забастовок [7, р. 76]. Нет необходимости в таких акциях, народ и так в массовом порядке высказывает свое осуждение к действиям шаха и правительству [7, р. 77].

Аятолла Хомейни был уверен в развитии массового национального движения по всей стране и во всех слоях общества. В письме на имя аятоллы Мохаммада Таги Фальсафи от 31 октября 1962 г. он раскритиковал инициативу аятоллы Ахмада Мусави Хонсари, предложившего провести встречу шиитских богословов в столичной мечети Сейида Азизуллы. Поддержав, так скажем, повестку встречи, Хомейни осудил ее по сути кулуарный характер, так как вместимость мечети не превышает 4 тыс. мест. «Нельзя проводить данное мероприятие в таком маленьком помещении, которое напоминает шкаф, в котором можно спрятаться» [7, р. 80]. По словам аятоллы, не надо замыкаться в кругу улама, а необходимо проводить подобные мероприятия так, чтобы на них могли присутствовать как можно больше простого народа и в особенности молодежи в целом и студентов в частности. Самым лучшим местом может стать открытое пространство, как в городе, так и в пригороде. Акция должна быть мирной, она продемонстрирует волю народа и его неприятие действий властей, которые не посмеют прибегнуть к насилию, уверен Хомейни [7, р. 81].

Отсутствие со стороны властей требуемых шагов по отмене законопроекта, попытка шаха убедить Хомейни в его «заботе о соблюдении религиозных обычаев» [6, р. 51] заставили аятоллу вновь обратиться с посланием на имя шаха 6 ноября. По словам Хомейни, народ именно ждет от шаха того, о чем тот заявляет [7, р. 83]. Однако действия и слова премьер-министра А. Алама заставляют в этом усомниться. Господин Алам пренебрегает бесчисленными письмами

и обращениями на его имя со всей страны, в которых содержится призыв придерживаться норм ислама, и не подменять «клятву на Коране», которую должны приносить все избранные депутаты маджлиса, «клятвой на Священной книге». Хомейни призывает шаха «не доверять тем людям, которые хотят дискредитировать Конституцию, являющуюся главной гарантией государственности и монархии» [7, р. 84].

Попытка затягивания и замалчивания существующей проблемы контрпродуктивна, так как власти страны не смогут успокоить ситуацию, делая вид, что ничего серьезного не происходит. Наоборот, обращаясь к верующим Кума, 11 ноября, Хомейни особо подчеркивает: «Мы говорим о том, что ислам в опасности. Улама не могут молчать» [6, р. 49]. У власти есть возможность все решить мирно и исправить ситуацию, так как в противном случае, «настанет день, когда с вашей помощью мы решим принять меры против правительства» [7, р. 87]. Но пока, по мнению Хомейни, необходимо набраться терпения и дать время правительству принять необходимые меры.

Меры, необходимые для принятия правительством, Хомейни попытался донести в обращении на имя премьер-министра А. Алама от 23 ноября. Аятолла предостерегает Алама в том, что ждет и не намерен сдаваться, отказавшись от требования отмены законопроекта о выборах. Молчание и бездействие власти заставляет народ начать подозревать правительство в стремлении «оставить нас на милость кучки евреев, переодетых бежаитами» [7, р. 90]. Народ еще пока мирно высказывает свое мнение, но открытое пренебрежение им, предостерегает Хомейни, может привести к тому, что «они могут сделать все, что сочтут нужным» [7, р. 90].

После инициированных Хомейни акций по закрытию базаров в столице и городах по всей стране, начавшихся 23 ноября, правительство А. Алама заявило сначала о согласии пересмотреть отдельные положения закона о выборах, а 29 ноября на фоне не прекращающихся протестов сообщило об отзыве законопроекта. Данное решение в телеобращении 30 ноября был вынужден лично подтвердить сам премьер-министр А. Алам. После такого заявления часть улама Кума во главе с аятоллами Наджафи-Мараши и Гольпаегани в совместном обращении выразили свою благодарность шаху, правительству, а также народу за сотрудничество. Этот шаг вызвал возмущение у аятоллы Хомейни, так как непонятно, за что благодарить власти страны, которые стали главными виновниками данного инцидента.

Внезапное решение правительства на фоне длительного затягивания вопроса заставило Хомейни усомниться в самостоятельности действий властей. Он высказал предположение, что премьер-министр А. Алам в данном случае дей-

ствовал под внешним нажимом либо со стороны США, Британии, либо даже Советского Союза. Эта мысль прослеживается у него в его большой проповеди от 2 декабря, посвященной поздравлению верующих с их победой в «религиозном восстании», которым они преподали иностранным державам соответствующий урок [7, р. 107]. Именно решимость улама стоять до конца, уверен Хомейни, заставило иностранных силы и шаха отказаться от законопроекта и в спешке, в полночь 30 ноября отправить телеграммы с известием об отзыве законопроекта.

В своем обращении Хомейни подробно разбирает против чего и за что боролись улама и присоединившиеся к ним верующие. По его словам, в статьях Конституции четко прописано, что право голоса на выборах имеют мужчины, которые являются мусульманами. Это положение основывается на законах Корана, традиции Пророка и имамов. Согласно второй поправке Конституции ответственность за соблюдение принципа соответствия принимаемых законов нормам ислама лежит на улама, а именно на муджтахидрах (юристах) и факихах (правоведах) [7, р. 112]. Поэтому улама и выступили с критикой предложенного законопроекта как не отвечающего и идущего вразрез с исламом.

Предложенный правительством А. Алама законопроект заставляет подозревать, что он был инициирован властями не случайно, его ратификация должна была способствовать дальнейшему усилению иностранного влияния в стране. Уже сегодня, по словам Хомейни, иностранные специалисты приезжают в страну в качестве врачей, инженеров, строителей, в то время как, со слов самого шаха, в Иране есть свои специалисты, «так зачем вы нанимаете их за границей», вопрошает аятолла [7, р. 115]. Улама выступают против этого, но шахские власти и медиа обвиняют их в том, что они «против экономического развития страны». Хомейни полностью отрицает данное обвинение, подчеркивая факт длительной озабоченности улама вопросами развития страны на протяжении последних 500 лет, когда при Сефевидях шиизм стал государственной религией. Наоборот, улама всегда выступали за развитие и независимость страны. Необходимо, чтобы вопросы жизнеобеспечения общества и независимости страны находились в руках народа. И ради этого необходимо сохранять бдительность в отношении планов и заговоров со стороны иностранных держав. Противостояние им имеет как внешнюю форму, так и внутреннюю, на психологическом уровне. Хомейни отмечает, что внешнее поражение не так опасно и катастрофично, по сравнению с признанием психологического поражения. Последнее будет означать духовный кризис общества, который ведет к внутреннему опустошению человека, превращающее его в послушную марионетку внешних сил.

Одним из проявлений такого вызова духовным устоям мусульман стал вопрос эмансипации женщин в Иране. Хомейни осуждает шаг правительства по принудительному отказу в праве женщинам носить чадру в правительственных учреждениях, что впервые было введено еще при Реза Шахе. Сейчас в инициативах правительства А. Алама планируется эту практику распространить и на провинциальный уровень, что вновь нарушит права женщин и, более того, может парализовать весь административный аппарат на местах [7, р. 116].

Духовную силу народу придает вера в Аллаха и законы ислама. Стражами и проводниками исламского духа в обществе выступают улама. «И, если мы увидим, что иностранный дьявол вновь сосредоточился на нашей нации, мы будем действовать точно таким же образом», заявил Хомейни [7, р. 117]. И все произошедшее за последние месяцы должно стать предостережением шаху и правительству, уверен аятолла [7, р. 120].

Факт отказа властей страны от ратификации своего же законопроекта под влиянием активного сопротивления со стороны общественности, во главе которого оказались улама с аятоллой Хомейни, надо рассматривать как его победу. С данной позиции подается итог этого противостояния и в официальной иранской историографии, когда сейид Ахмад Хомейни, в предисловии к сборнику трудов своего отца, написал: «Это была первая политическая победа иранской нации под руководством имама Хомейни после государственного переворота 19 августа 1953 года» [6, р. 9]. И надо ли говорить, что активная позиция, занятая Хомейни в вопросе ратификации законопроекта о выборах в провинциальные и районные советы, вывела его на вершину антишахского движения, превратив в лидера и духовного наставника наиболее радикальной группы внутри улама и народа. Данный статус аятоллы Хомейни стал очевиден после того, как шах своим волевым решением вынес 26 января 1963 г. на всенародный референдум свой проект кардинальных реформ в стране, получивших название «Белая революция». Попытка задействовать разработанные мирные формы протеста против антиконституционного мероприятия, которым был референдум, инициированные аятоллой Хомейни, оказалась тщетной. Провал мирного протеста привел к его радикализации, что вылилось в кровавые события 5 июня 1963 г. Последовавший арест, а затем и высылка аятоллы Хомейни в ноябре 1964 г. из страны сделали его убежденным противником монархии и сторонником построения в Иране Исламской республики.

Список литературы

1. Резников А. Б. Иран : падение шахского режима. М. : Политиздат, 1983. 160 с.

2. Дорошенко Е. А. Шиитское духовенство в двух революциях : 1905–1911 и 1978–1979 гг. М. : Институт востоковедения РАН, 1998. 240 с.
3. Stone E. Khomeini : The Shah, the Ayatollah, the Shi'ite explosion. Los Angeles : Holloway House, 1980. 221 p.
4. Abrahamian E. Khomeinism : Essays on the Islamic Republic. Berkeley : University of California Press, 1993. 188 p.
5. Keddie N. R., Richard Y. Modern Iran : Roots and Results of Revolution. Yale University Press, 2006. 420 p.
6. Khomeini R. Kawthar. An anthology of the speeches of Imam Khomeini, including an account of the events of the Islamic revolution, 1962–1978 : in 3 vols. Vol. 1. Tehran : The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 1995. 611 p.
7. Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. An Anthology of Imam Khomeini's speeches, messages, interviews, decrees, religious permissions, and letters : in 22 vols. Vol. 1. Tehran : The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 2008. 585 p.
8. Amjad M. Iran : From royal dictatorship to theocracy. New York : Greenwood Press, 1989. 200 p.
9. Tabatabai A. No Conquest, No Defeat : Iran's National Security Strategy. Oxford : Oxford University Press, 2020. 400 p.
10. Axworthy M. A history of Iran : Empire of the mind. New York : Basic Books, 2010. 376 p.
11. Abrahamian E. Iran between two revolutions. Princeton : Princeton University Press, 1983. 580 p.

Поступила в редакцию 24.03.2022; одобрена после рецензирования 29.03.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 24.03.2022; approved after reviewing 29.03.2022; accepted for publication 12.04.2022